

Иван Сергеевич Шмелев (1873-1950).

Издание - Иван Шмелев, "Лето господне", издательства "АСТ" и "Олимп", Москва, 1996.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 3 апреля 2002.

РАДОСТИ И СКОРБИ ИВАНА ШМЕЛЕВА

Что страх человеческий!

Душу не расстреляешь.

Ив. Шмелев. Свет Разума

Момент времени, с которого жизнь круто поворачивается и начинает течь по иному руслу... Иногда такой момент можно определить довольно точно; во всяком случае, для русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева -- это 1920 -- 1921 годы. Гражданская война, Крым, красный террор, голод и еще многое, многое другое...

В Крыму коренной москвич Шмелев оказался в 1918 году, приехав с женой к С. Н. Сергееву-Ценскому. Туда же, в Алушту, демобилизовался с фронта и единственный сын писателя, Сергей. Время было непонятное; по всей вероятности, Шмелевы просто решили переждать большевиков (тогда многие уезжали на Юг России). Крым находился под немцами; всего за годы гражданской войны на полуострове сменилось шесть правительств. Шмелев мог наблюдать и прелести демократии, и царство белых генералов, и приходы-отходы Советской власти. Сын писателя был мобилизован в Белую Армию, служил в Туркестане, потом, больной туберкулезом, -- в алуштинской комендатуре. Покинуть Россию в 1920 году вместе с врангелевцами Шмелевы не захотели. Советская власть обещала всем оставшимся амнистию; обещание это сдержано не было, и Крым вошел в историю гражданской войны как "Всероссийское кладбище" русского офицерства.

Сын Шмелева был расстрелян в январе 1921, в Феодосии, куда он (сам!) явился для регистрации, но родители его еще долго оставались в неизвестности, мучаясь и подозревая самое худшее. Шмелев хлопотал, писал письма, надеялся, что сын выслан на север. Вместе с женой они пережили страшный голод в Крыму, выбрались в Москву, затем, в ноябре 1922 -- в Германию, а через два месяца во Францию. Именно там писатель окончательно уверился в гибели сына: врач, сидевший с юношей в подвалах Феодосии и впоследствии спасшийся, нашел Шмелевых и рассказал обо всем. Именно тогда Иван Сергеевич решил не возвращаться в Россию...

После всего пережитого Шмелев стал неузнаваем. Превратился в согнутого, седого старика -- из живого, всегда бодрого, горячего, чей голос когда-то низко гудел, как у потревоженного шмеля. Теперь он говорил едва слышно, глухо. Глубокие морщины, запавшие глаза напоминали средневекового мученика или шекспировского героя.

И трудно передать, что творилось в его душе, как он ощущал жизнь: "Мы все верили, все ждали. Ибо всевозможные версии складывались... Но то была петля Рока. Этот Рок смеется широко мне в лицо -- и дико, и широко. Я слышу визг-смех этого Рока. О, какой визг-смех! Железный, в 1000 "мороза-визг ледяного холода. (...) Века в один месяц прожиты". До какой-то степени это была не только смерть единственного любимого сына -- Шмелев пережил смерть своей души, как будто выжженной страхом, отчаянием и безнадежностью. "Где ни быть -- все одно. Могли бы и в Персию, и в Японию, и в Патагонию. Когда душа мертва, а жизнь только известное состояние тел наших, тогда все равно. Могли бы уехать обратно хоть завтра. Мертвому все равно -- колом или поленом". (Это строки из писем Шмелева к К. А. Треневу и И. А. Бунину.)

После этой трагедии Шмелев прожил в эмиграции еще 28 лет. Он никогда не мог забыть ни о сыне, ни об оставленной России. Он изменился не только физически и душевно, он духовно переродился. Пришел к церкви, к православию и стал новым человеком. Но для нас, изучающих русскую литературу, важно и другое: Шмелев стал совершенно иным писателем. С иными темами, стилем, образами. И просто -- ИНОГО художественного уровня.

Впрочем, хорошим писателем-профессионалом он справедливо считался еще в начале века. Он имел прочную репутацию: сугубого реалиста, продолжателя русской классической традиции. История его раннего литературного развития несложна и довольно типична.

...По написании первой, юношеской, книги Шмелев десять лет не прикасался к перу, служа чиновником в провинции и сохраняя университетские демократические идеалы. Всколыхнула его революция 1905 года: под ее влиянием он вернулся к писательству. Обличение купеческого темного царства, знакомого не по наслышке, сочувствие к униженным и оскорбленным, презрение ко всякого